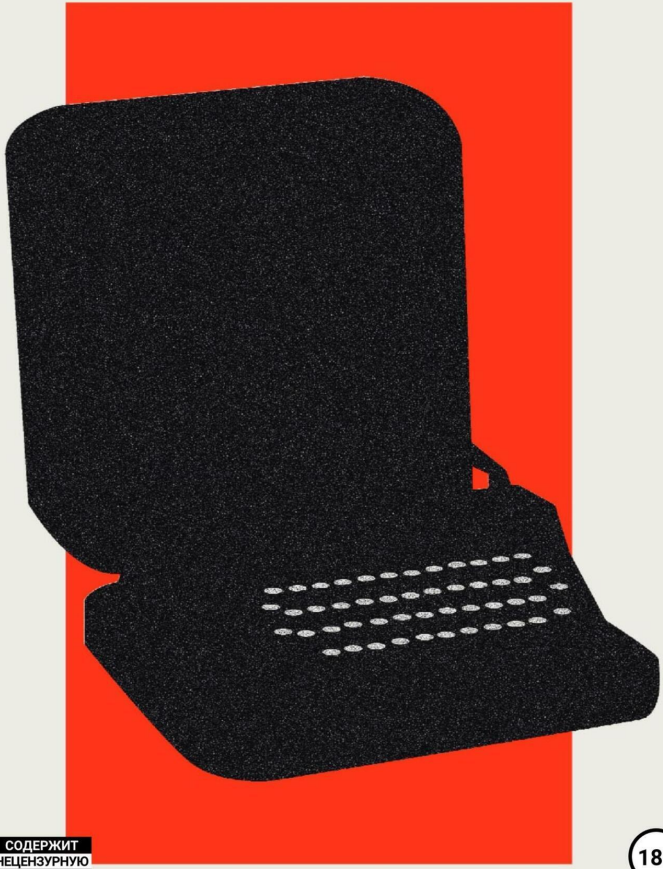
Малявки



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Владимир Хачатуров

Владимир Хачатуров
Малявки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64712341
SelfPub; 2023
ISBN 978-5-532-95684-1

Аннотация

Рассказы-малявки, рассказы на зубок: саркастичные, смешные, философские и даже немного абсурдные, читаются на одном дыхании. Также в сборник включена автобиография автора, написанная с большой иронией к себе, к своей жизни и миру. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Стриптиз 4
Перечень нехваток 6
Террорист 7
Сон в летнюю ночь 9
Человек молитвы 11
Благодарность 13
Смерть педераста 14
Патриот 16
Мысль 21
Who is who 22
Аутотреннинг 24
Божья воля 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Владимир Хачатуров
Малявки

Стриптиз

Все кругом просто с ума посходили: ах, стриптиз! Ох, стриптиз! Какое тело! Какие формы! Какое шоу!..

Заметив, что на меня их восторги не производят должного впечатления, немедленно бросаются в атаку: А ну, если не видели, то, пожалуйста, не вякайте! Вот когда увидите, тогда и возмущайтесь, тогда и проявляйте свою ханжескую сущность! Стыдитесь! взрослый мужик, а стриптиза не видел!..

Я устыдился, пошел, посмотрел.

Плохо сложенная особа вышла нагишом на еще хуже освещенную сцену и под зажигательные звуки заунывной музыки начала медленно облачаться в какие-то блестящие обноски, рисовать себе соблазнительное лицо, примерять шляпы, меха, драгоценности. Словом, превращаться из замухрышки в сногсшибательную фемину, которую так и хочется раздеть. Хотя бы глазами…

Я попытался, но не преуспел, – воображения не хватило.

Пришлось примкнуть к общему хору: Ах, стриптиз! Какое тело! Какое шоу! И задница вся в пупырышках восхищения…

Перечень нехваток

Однажды я проспал, проснулся, оклемался и с благодарностью подумал: хорошо, что у меня нет будильника, а то бы я ему сейчас показал!

Вышел на улицу. Смотрю, возле пивного ларя люди пивом наливаются. Эх, думаю, здорово, что у меня ни копья в кармане, а то бы я сейчас пивка для рывка, потом водки для доводки, затем портянки до кровянки, а там как пить дать во что-нибудь хреновое да вляпался бы. А так, без денег, разве что от трезвости умом тронусь или печень от удивления по швам разойдется. Тут эти денежные, пивом налитые оборачиваются ко мне и говорят: А ну прошел отсюдова, а то от твоих поганых взглядов завидущих у нас пиво скисает… Эх, думаю я в ответ, ваше счастье, что у меня автомата нет, а то…

Гляжу, батюшки-светы, есть у меня автомат! И патронов при нем в разумном количестве: не так чтобы уйма, но на всех хватило. Хотя и впритык. А то пришлось бы опять башку напрягать, думать: хорошо, что у меня штыка нет, а то…

Террорист

Террористов развелось просто спасу нет. Расплодилось ихнего брата как тараканов. Давеча один сопляк лет десяти встал на людном месте, вынул из мешка котенка и пригрозил придушить несчастное животное, ежели его немедленно кто-нибудь не купит. И цену загнул, паскудыш, аж в сто рублей! Народ едва окончательно не охренел от такой беспримерной наглости. У-у, говорит, чеченец недобитый! А паскудыш возражает, дескать, русский он, а потому в деньгах сильно нуждающийся. Подайте, люди добрые, кто сколько может на спасение невинного котенка от лютой смерти, но чтобы в сумме не меньше стольника было. Можно и больше, он не против… Зачесал народ в затылке, переглядываться понимающе начал, вот-вот шапку по кругу пустит. Но тут, как на беду, подваливает к паскудышу какой-то жлоб семи пядей во бритом лбу и давай контругрожать: дескать, придушу мальца, если кто вздумает у него котенка купить. Малец, ясное дело, сразу на попятную: берите, кричит, котенка даром, мне жизнь дороже. А жлоб ни в какую: не тронь кошару, мальца придушу! Народ совсем растерялся, интересуется у жлобяры: почем нынче жизнь человеческая? Жлобяра мальца под мышку, лбину наморщил и на пальцах это дело подсчитать пытается. А народ ему калькуляторы сует, дескать, так сподручнее, не напрягайся, не то мальца приду-

шишь не за хрен собачий… Приехала милиция, разогнала народ, оцепила место уголовного события кордоном, со жлобом парой слов перекинулась и давай по рации СОБР-а кричать: мол, срочно требуется спасти две-три жизни от терроризму. СОБР, понятно, тут как тут: примчался, вбил всех по шляпку в землю и отвалил в других местах порядок наводить, терроризм со свету сживать. Жлоба и котенка доктора потом откачали, мальца, к счастью, не удалось. Одним террористом меньше, другим больше, а все дышать легче.

Сон в летнюю ночь

Заснул как-то Никодим Аркадьевич длинным июньским вечерком аккурат в ночь с субботы на воскресенье крепким сном, и приснилось ему вдруг, что утром разразилась война, правда, в точности неизвестно с кем. То ли с воинами Аллаха, то ли с властелинами колец. Ему, Никодиму Аркадьевичу, без разницы. Ему, Слава Богу, уже за пятьдесят и мобилизации в качестве пушечного мяса он не подлежит… Ан, выясняется, что хренушки! Еще как подлежит! Как опытный, проверенный в учениях тридцатилетней давности подносчик снарядов. Присягу давал?! Мамой родину защищать клялся?! Так нечего тут заслуженным старцем-долгожителем прикидываться! Ноги в руки и на передовую!.. А Никодим Аркадьевич на передовую идти отказывается, кричит, что он сирота детдомовская, маменькой клясться никак не мог, поскольку в глаза ее не видывал, и размахивает перед самым носом военкома удостоверением пенсионера по инвалидности. Типа накося-выкуси ты меня вместо какого-нибудь гаврика, на лапу тебе сунувшего, с супостатами-басурманами на толковище кровавое по этапу отправишь… Но военком мужик тертый, на пустое нематериальное слово принципиально не реагирующий, дело свое знает, государственные интересы блюдет свято: дескать, родина, гражданин Передрягин, и есть ваша мама, которой вы клялись ее же за-

щищать. Так что разговорчики отставить! пузо подравнять! морду смирить! родину защищать шагом марш!.. Не тут-то было. Не стал Никодим Аркадьевич ни разговорчики отставлять, ни пузо тревожить, ни сквалыжное выражение лица укрощать, ни тем более переться куда-то. Не буду пушечным мясом и баста! Не в том он, видите ли, возрасте… И ведь настоял на своем: не стал пушечным мясом, стал карабинным, ибо предателей, изменников, отказников и саботажников расстреливают у нас по законам военного времени не из пушек, а из карабинов. Так и гуманнее и дешевле…

Человек молитвы

Один человек лег спать неверующим, а проснулся верующим, хочет помолиться, а молитв не знает. Да и на кого глядючи челом-то бить? Не на телевизор же!.. Подумал, подумал, накинул кой – чего из верхней одежды и бегом в лавку культовых принадлежностей. А лавка закрыта. На переучет ментальных ценностей. Может, думает, в церковь сбегать? Только стал определяться, каким проходным двором сподручней к храму Божьему напрямик, как кто-то хвать его по плечу, кричит:

– Здорово сосед! Как поживаешь?

А он не будь дураком, возьми да и брякни:

– Твоими молитвами.

Но сосед парень тертый, врасплох не застать,

– С чего, – говорит, – Ты взял, что я вообще молюсь?

– Все молятся. Кто вслух, кто про себя.

– Толку-то от этих молитв, вздыхает сосед, – Молись не молись…

– Э, не скажи, – возражает верующий, – Откуда нам

знать: может быть, если бы не молились ни вслух, ни в уме, было бы еще хуже.

– Куда хуже-то? – удивляется сосед.

– Для Бога всё возможно!

Тьфу ты! – сплевывает в ужасе сосед, оглядывается за-

травленно и шасть прямо к культовой лавке. А тем переучет. А верующий сходил в церковь, помолился как следует, пришел домой, взвесился и лет спать.

Благодарность

Иду как-то улице. Подбегает какой-то мужик.

– Спасибо, говорит, – спасибо!

– Не за что, – отвечаю.

– Сам знаю, что не за что. Было бы за что, спасибо бы не сказал.

– А что бы сказал? – интересуюсь.

– Сделаешь что-нибудь стоящее, узнаешь,

С тех пор ночами не сплю, все думаю, как бы мне что-нибудь стоящее сделать, чтобы истинной благодарности людской удостоиться. Но ничего стоящего в голову не приходит, Так, наверное, и помру, считая человечество неблагодарной скотиной.

Смерть педераста

Никодим Аркадьевич был педераст и знал об этом своем недостатке, который недостатком не считал, а даже напротив, так как был педераст не простой, но идейный. И, как все идейные, активно сотрудничал в боевом органе «Голубой Восторг», на страницах которого гневно клеймил и яростно осуждал некромантов, педофилов, эксгибиционистов, садистов, марксистов и других сексуальных извращенцев многострадального полового вопроса. А еще у Никодима Аркадьевича имелся сосед Автандил, в которого он был тайно и безнадежно влюблен уже целых две недели. Сосед работал грузином в какой-то восточной кухне, славившейся своими шашлыками и кебабами. Однажды пришел этот сосед домой в расстроенных чувствах. Стал перед зеркалом в общем коридоре, повернулся к нему спиной, спустил штаны и давай изворачиваться да подпрыгивать, отражение личного зада в общественном зерцале уловлять. Никодим Аркадьевич как увидел это безобразие, так чуть в обморок не отправился. Ах, любимый оказался подлым эксгибиционистом, вуайеристом и черт знает еще кем! А сосед человек грубый, дикий, тонких чувств не понимает, сует Никодиму Аркадьевичу свою задницу под нос и в самом невинном, в самом гортанном тоне интересуется: «Слющай, Ныкодым, нэужэлы мой жёпа такой чорний, что даже через мой бэлий брук

видно?» У Никодима Аркадьевича от таких слов так основательно от сердца отлегло, что он от облегчения то ли сказал, то ли сделал что-то уж слишком идейное. В результате чего скоропостижно скончался. От побоев. Этот грубый Автандил, оказывается, не только грузином был, но еще и гетеросексуалом. И тоже ужасно идейным. Просто беда с этими идейными, правда?

Патриот

Господи! с этой родиной столько забот, хлопот и заморочек! Причем не столько у тех, кто по долгу службы обязан хранить ее от порчи, сглазу и иных происков нечистой супостатской силы, сколько у того, кто сознательно и добровольно предается окрыляющему душу отчизнолюбию и родинообожанию. Взять хоть, к примеру, Михаила Сакердоныча Дернятьева, – прекрасного человека, удачливого бизнесмена и великого патриота, у которого первым в жизни, произнесенным без подсказок со стороны, словом было не банальное «ням-ням», а «держава», за которую ему в самом скором времени стало до слез обидно…

Никогда Дернятьев не упускал случая прилично заработать, чтобы сполна уплатить в финансовые закрома родины все причитающиеся подати, начиная с налога на оборот, прибыль и добавленную стоимость, и кончая налогом на бездетность, безбедность и двусмысленность. Нередко случалось, что платил Дернятьев, не дожидаясь прибыли, не столько не умея, сколько не желая сдерживать в себе пронзительных порывов убежденного государственника, то есть человека, который при одной мысли о родной державе, механически встает и автоматически обнажает голову. Но если кто воображает, что Дернятьев хоть в ком-то встречал понимание, то этому кому-то следует немедленно показаться врачу. Да-

же в государственных налоговых службах не находил Михаил Сакердоныч ничего похожего на то, что этим словом обозначается. Да что там похожего, – ни черта, кроме меркантильной подозрительности не находил. Вечно в его деловых бумагах копошились целые муравейники инспекторов. Расчет у них был вполне крохоборский. Ежели этот фрукт заплатил налогов на эдакую сумму, то, сколько же он, каналья, на карман себе положил! И с этой позиции их даже силы небесные не могли сдвинуть ни на вершок. Даже то обстоятельство, что этот каналья жил не в хоромах, не в палатах, не в малогабаритной халупе крупноблочного типового барака, а в самой обыкновенной питерской коммуналке, с двумя соседями, один другого пьянее, умнее и замысловатей, не производило на чиновную рать никакого впечатления. У богатых, усмехаются, свои причуды, а у налоговой инспекции – свои…Ну ладно, те хоть на службе, им, может быть, по роду государственной деятельности полагается в невменяемом состоянии пребывать; может, их невменяемость родине угодна, но ведь и в родной квартире никто ни на золотник не разделял высоких убеждений и возвышенных чувств Дернятьева. Сколько ни поил их Михаил Сакердоныч политурой на холяву, ни хрена возвышенного и высокого, кроме пофигизма, в этих падших душах не пробуждалось. Уж он им и о подвигах, и о славе, и о славянской старине рассказывал, Куликовскую битву чуть ли не во всех действующих лицах изобразил, не говоря уже о Бородине, Сталинграде и

Ледовом побоище, а они, знай себе, сидят, квасят, ужасаются да сочувствуют. Славные, говорят, у тебя, Сакердоныч, предки были: все сплошь икрофаги, винохлебы и кулебякопожиратели. И репами сокрушенно качают: ох и тяжкая у вас, патриотов, жизнь! Каждая муха – вылитый слон, норовящий обкакать все самое святое… И спорить с ними просто нет никакой возможности. Только начнешь возражать, слова подходящие подыскивать: дескать, если на то пошло… Так ведь обязательно прервут, охальники, всенепременно полюбопытствуют: куда пошло это «если», и что там с ним, бедолагой, сделали. Ох, правду супостаты говорят: никто русского человека не понимает, и меньше всех свой же брат русак. Вот если бы у Михаила Сакердоныча родная бабка немкой оказалась, он бы этот печальный хромосомный факт скрывал самым сверхсекретным образом. А этот Раздударов, наоборот, гордится, обормот, что является прямым потомком первой жертвы коммунизма. Его прапрадед, видите ли, некий фон Мюльц помер со смеху на первых же страницах Коммунистического Манифеста, только что вышедшего из подпольной печати. Михаил Сакердоныч от такого чванства насмешки не сдержал, съехидничал, уж не мечтает ли сам Раздударов стать последней жертвой – быть насмерть раздавленным толпой провожающих на долгожданных похоронах Ильича? Оказалось, он хуже, чем мог вообразить наивный Дернятьев. Я, говорит, хотел бы помереть американской мученической смертью: отравиться несвежей жвачкой. От та-

кого подлого преклонения перед Западом Дернятьева аж передернуло. Сначала справа налево. Потом наоборот. А ну, кричит, отдавай обратно стольник, который у меня давеча под честное слово занял. Нет тебе отныне моей веры, антироссийская морда!.. И опять не дали Сакердонычу договорить, все, что на сердце накипело, на собеседника выплеснуть. Это, замечает Раздударов, еще неизвестно, чья морда враждебнее нашему отечеству. Вот ты спроси меня: как я, Раздударов, живу? И я тебе отвечу по совести, как на духу: обыкновенно живу, через пень-колоду, как предки завещали. А что ты, Сакердоныч, на этот вопрос ответить можешь? Что капусту рубишь, чтоб налоги платить? И это по-русски?.. А я, встревает другой сосед, по фамилии Нибельмесов, принципиально не богатею, чтобы не иметь неразрешимых проблем с капустой, не знать, куда ее девать. И в долг, между прочим, беру у тебя, Сакердоныч, не из нужды, а все из того же принципа, – чтобы таким образом поставить свой бюджет перед свершившимся фактом дефицита, а совесть – перед печальной необходимостью хоть на что-нибудь решиться, иначе ты мне счетчик включишь, часть навара сдашь государству и будешь ходить, пыжиться, какой ты лихой патриот и несгибаемый государственник. Ну и кто после этого из нас кондовый россиянин: мы с Раздударовым, которые, подчиняясь противоречивой славянской натуре, то и дело поступаем вразрез с созерцательным складом наших характеров, или ты, – вечно правый, последовательный и ак-

куратный? У тебя вон голова, как дом советов, а у нас в живых и трезвых практически ни одной извилины не осталось. Перед тобой все дороги настежь: хочешь – в Думу, не хочешь – в бордель, а у нас всего два пути: либо с тоски подохнуть, либо сбежать на индейскую территорию, спасти Гекка Финна от скуки… Тьфу, сказал Дернятьев, опять вас, рожи германские, недобитые, на Запад понесло! Сказал, и как есть – весь выбежал вон из дома, чтоб не дай Бог в богомерзкий скандал не вляпаться, не дать клеветниками пищи для возведения напраслин.

Только вышел из парадной, а навстречу какой-то прямой потомок ходынских холявщиков, – идет, караковыми лохмами Каракозова потряхивает, сигареты стреляет. Дай, говорит, друг, закурить, а то, жалуется, курево стало, блин, дороже родины, любви и дружбы. Как, ужасается Дернятьев, всех вместе? Нет, окстится незадавшийся цареубийца, пока еще вроссыпь, выбирать приходится. Взглянул на Дернятьева, изменился в лице и сгинул, словно и не было его вовсе. Да как же не было, когда был, не соглашается Дернятьев. Посмотрел направо – никого. Взглянул налево – то же самое. Воззрился на небеса, а там облака с тлетворного Запад прямиком на нашу территорию плывут, на священные рубежи посягают. Подкосились ноги у Дернятьева, сел он на тротуар и заплакал.

Ох, тяжела ты, шапка мономаха!

Мысль

Как-то одному умному человеку пришла в голову такая умная мысль. Не всегда деньги водятся у хороших людей. Чаще всего у хороших они не водятся. Наверное, для денег эти хорошие недостаточно хороши. А еще говорят: хорошие… Какие же они хорошие, если у них даже денег нет? И с тех пор перестал умный человек быть их таким хорошим, у которого деньги не водятся, потому как с деньгами всякий хорош, а без них – только редкие умники.

Who is who

Однажды Никодиму Аркадьевичу приснилось, будто он педераст, и будто бы лежит в собственной постели и занимается всякими педерастическими делами со своим партнером, имени которого не помнит, а фамилию забыл. Ну и вот, испотворяются, значит, они под одеялом, пыхтят, сексуально оприходовать друг дружку стремятся, а сердце у Никодима Аркадьевича не на месте, конкретно говоря, в пятках бьется, вместо того чтобы в причинном месте истомно трепетать. Думает Никодим Аркадьевич: а что если жена вдруг домой заявится? И продолжает жестоко тревожиться за судьбу свою, и вспомнить норовит, много ли у них с женой добра нажито, не жалко ли будет в случае чего на три части делить: себе, жене и адвокатам? И, естественно, ни шиша вспомнить не может, – секс, падла, отвлекает, сосредоточиться не дает. Рассерчал Никодим Аркадьевич и… проснулся. Глядь, а его и в самом деле кто-то оприходует. Пригляделся, а это муж его, Вася, пыхтит, из влагалища не выпасть старается. Стоп, думает Никодим Аркадьевич, какое у меня может быть влагалище? И тут вдруг его осеняет, что никакой он не Никодим не Аркадьевич, а самая что ни на есть натуральная Светлана, понимаешь, Андреевна, с внушительным влагалищем и всеми прочими причиндалами женского пола. И вот лежит, значит, Светлана Андреевна, тазом поводит, оргазм словить

пытается, и думает, то есть недоумевает: то ли она действительно Светлана Андреевна, которая приснилась себе Никодимом Аркадьевичем – педерастом, то ли она на самом деле Никодим Аркадьевич, которому снится, что он Светлана Андреевна, исполняющая супружеский долг на ложе семейной обязаловки. В общем, кто там есть кто – сами решайте. Лично я – пас…

Аутотреннинг

Александр был существом нервным и никак не мог обрести спокойствия, даже настоятельно рекомендованный врачами аутотренинг не помогал. Стоило Александру лечь, расслабиться всеми членами и начать себя самоуговаривать: «я владею собой», как его немедленно скособочивало в сторону от проторенных путей самоуспокоения. Хотя по-человечески его можно было не только понять, но даже простить, – если уж очень хочется. Это какому-нибудь голодранцу, у которого, кроме кукиша в дырявом кармане да заветной мысли в забубенной голове, ни черта нет, позволительно ограничиться столь суровой констатацией: «я владею собой». Но не все ведь в идейной аскезе пребывают. Ясное дело, людям хочется быть точными и правдивыми. И Александр не был исключением. Он отказывался самоуспокаивать себя полуправдой. Да, действительно, он владеет собой. Но это, слава Богу, не единственное его достояние. Кроме себя, он владеет тремя бензоколонками, рестораном, магазином, музеем восковых фигур и дамской парикмахерской. И каждое предприятие требует, между прочим, пристального внимания, неусыпной заботы и строгого учета. И стоит начать перечислять свои владения, как все заботы уже тут как тут со

всеми проблемами и ни о каком спокойствии не приходится даже мечтать. Так что, сколько ни бился Александр с этим аутотренингом, ни разу ему не удалось перейти от первой части ко второй, еще более утешительной: «Я спокоен, полон достоинства, спеси и других признаков невозмутимости…»

Божья воля

«В будущую пятницу, если будет угодно Богу, я собираюсь напиться», – сказал один герцог (ныне покойный) другому (тоже в живых по каким-то уважительным причинам не оставшемуся). Однако Богу оказалось угодным, чтобы герцог напился не в будущую пятницу, а в эту. И не в пятницу, но в четверг. Да и не напился он, а нализался, если не сказать хуже, точнее и определеннее. Но не в этом суть нашей истории, а в том, что воистину неисповедимы пути Господни, и все мы, – включая герцогов, королей и других помазанников Божиих, – являемся всего лишь жалкими статистами неизвестной нам пьесы, чей сюжет ведом только автору. Поэтому не стоит заглядывать так далеко вперед, достаточно просто выразить скромную надежду когда-нибудь да напиться, а уж Провидению лучше знать, когда именно этому мероприятию суждено свыше случиться. Наше дело – робко верить в благосклонность небес к нашим начинаниям и не откладывать последние в долгий ящик. Что значит «напиться в будущую пятницу», если это можно сделать во вторник, а еще лучше – в понедельник? Да и в среду – тоже не помешает. А там и до пятницы рукой подать: день протомиться да ночь продержаться. Вот я и говорю: Господи! да будет воля Твоя! И бегу в магазин, ибо такова Его воля! Аминь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.